

Осязание
Теней

Евгений Доренский

Евгений Доренский
Осязание теней

«Автор»

2026

Доренский Е.

Осязание теней / Е. Доренский — «Автор», 2026

В шесть лет Лира умерла и воскресла пустой: ни чувств, ни боли, лишь память о сапогах убийцы. Теперь она — глаза слепого инквизитора Корвина, который видит тени прошлого. Когда находят мёртвого глашатая с выжженными глазами и буквой «Л» на руке, их расследование втягивает в паутину инквизиторских тайн. След ведёт к силе, способной стирать реальность. Лире предстоит узнать, кто она: жертва, мститель или оружие, созданное для чужих целей. Тёмное фэнтези о пустоте, которую можно принять, но нельзя забыть.

© Доренский Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Глашатай нем	7
Глава 2. Архив Лжи.	10
Глава 3. Ключ без замка	14
Глава 4. Голуби старого мага	21
Глава 5. Обмен информацией	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Евгений Доренский

Осязание теней

Пролог

Девочка не плакала. Слезы кончились еще тогда, когда отец заслонил ее своим телом, и деревянная дверь лачуги разлетелась в щепу. Одна из щепок, длинная и острая, вонзилась ей в живот, когда она заползала под кровать, – но боль пришла позже. Сейчас под кроватью было темно и пахло кровью – своей и чужой, перемешанной с пылью и соломой. Лира зажимала ладонью глубокую рану на животе и считала удары своего сердца. Раз, два, три. Мать упала у порога, растянувшись ничком, и больше не двигалась. Младший брат, трехлетний Йен, всхлипнул один раз – коротко, как надломленная ветка, – и смолк навсегда.

Она видела только сапоги. Грязные, в запекшейся грязи, с тяжелыми подковами на каблуках. Левый был с изъяном – железная пластина криво прибита, один гвоздь торчал наружу, другой ушел вглубь, пробив кожу. Когда убийца повернулся, сапог скрипнул – металл о металл, сухой и мерзкий звук, похожий на визг мышеловки.

– Тут еще один, – сказал кто-то с порога. Голос был чужим, равнодушным. – Мелкий.

– Не трогай, – ответил тот, в сапогах. – Пусть подышает сама.

В этот момент скрипнула половица в углу – там, где стоял соседский мальчишка Эйрик. Он прибежал к ним играть еще засветло, да так и остался. Лира услышала, как он всхлипнул – тихо, испуганно. Сапоги развернулись в его сторону. Лира хотела закричать: «Беги!», но из горла вырвался только сип. Она услышала торопливый топот маленьких ног, хлопок двери в задней стене – и тишину. Убийца не стал его преследовать – хмыкнул разочарованно и пробормотал что-то себе под нос.

А потом раздался голос отца. Громкий, отчаянный, каким он никогда не говорил при жизни: «Я иду!»

Что-то с грохотом упало на стол, покатилося – медная сковорода, гордость матери. Убийца резко развернулся, сапоги скрипнули опять, и все его внимание переключилось туда, где у задней стены стоял Томас. Лира не видела отца – только слышала его дыхание, тяжелое и прерывистое, – но поняла: он отвлек убийцу на себя. Дал Эйрику уйти. Дал ей – еще несколько мгновений.

Они ушли так же внезапно, как пришли. Дверь осталась висеть на одной петле, сквозь щель пробивался серый предрассветный свет. Лира лежала под кроватью, пока солнце не поднялось выше крыш, пока не заорали петухи, пока соседка не зашла проведать – и не закричала, увидев бойню.

Лира ничего не помнила потом. Как ее вытащили, как несли к лекарю, как тот покачал головой и сказал: «Безнадежна». Как ее бросили в канаву у городской стены – туда свозили трупы бедняков, чтобы сжечь за городом. Она лежала среди мертвых двое суток. На рассвете третьего дня она открыла глаза.

В зрачках не было отражения.

Солнце вставало над Ребросом, но его свет проходил сквозь нее, как сквозь тонкое стекло. Мир стал плоским, чужим, ненастоящим. Лира поднялась, шатаясь, и побрела к городу. За воротами стражник перекрестился, увидев ее лицо – живое, но пустое, как колодец без дна.

Она не знала тогда, что стала первой в мире «Украденной у смерти». Не знала, что магия отныне будет скользить по ней, не оставляя следов, словно вода по маслу. Не знала, что через восемь лет ее встретит слепой инквизитор, который почувствует в ней то, чего не чувствовал никто.

Она знала только одно: убийца носит левый сапог с изъяном.

Глава 1. Глашатай нем

Корвин Слепец сидел в своей башне и перебирал костяные четки. Позвонок за позвонком — ритм, который заменял ему молитву. Бога он не помнил, да и не верил ни в какого «Отче», кроме того, что сам себе выдумал. Просто щелчок пальцев успокаивал. Приводил мир в порядок. Делал его чуть более послушным.

Башня стояла на границе Старого и Нового города — кусок ничейной земли, который городские власти предпочитали не замечать. Корвину это нравилось. Когда тебя не замечают, можно работать спокойно.

В комнате пахло воском, старой кожей и тем особым запахом, который оставляют вещи, пережившие своих хозяев. На стенах висели карты, исчерканные красными линиями, портреты преступников (некоторых Корвин изловил лично, других — нет) и один-единственный герб: слепой глаз в перекрестье мечей. Девиз под ним вырезал прежний хозяин башни: «Тьма не слепа, слепы те, кто боится смотреть».

Корвин не боялся. Он вообще ничего не боялся уже десять лет — с тех пор как перестал видеть.

Щелк-щелк-щелк.

Шаги на лестнице он услышал за минуту до того, как в дверь заколотили. Поступь тяжелая, неровная — человек бежал, сбивая дыхание. Один, без сопровождения. Металл звякает о камень — при оружии. Кираса? Нет, звук глубже, скорее кольчуга.

Стражник.

— Входи, — сказал Корвин, не поворачивая головы.

Дверь распахнулась. Ворвавшийся стражник — Корвин узнал его по запаху: дешевый табак, пот, вчерашнее пиво — замер на пороге, хватая ртом воздух.

— Господин инквизитор... там... на Немом рынке... Гуннар...

— Мертв, — закончил Корвин.

Стражник сглотнул. — Откуда вы...

— Ты бы не прибежал ко мне в седьмом часу утра с таким лицом, если бы нашли кошелек с медяками. Гуннар — городской глашатай, его голос слышен на всех перекрестках. Если он мертв, это не просто убийство. Это послание.

Корвин отложил четки и поднялся. Мысль мелькнула привычно: Элрик, сержант с причала, тоже был бы здесь, если бы не его вахта. Он всегда знал, когда нужна помощь. Но сейчас не время для пустых ожиданий.

— Жди внизу. Я возьму Лиру.

— Но господин инквизитор, капитан приказал...

— Капитан, — мягко перебил Корвин, — приказал бы мне, если бы знал, что я вообще существую. Я существую. Жди.

Стражник вышел, бормоча что-то под нос. Корвин нащупал на стене крюк, снял плащ — грубую черную шерсть, непромокаемую, с глубоким капюшоном. Накинул на плечи. Потом повернулся в угол комнаты, где всегда сидела Лира.

— Ты все слышала.

Утверждение, не вопрос. Лира никогда не задавала вопросов, на которые знала ответ.

— Гуннар, — сказала она. Голос низкий, чуть хриплый — не курила, просто такой от природы. — Каждое утро выходил на Рыночную площадь в шесть. Бил в барабан, кричал: «Указ герцога! Цены на зерно снижены! Чума в южных кварталах! Беженцам регистрироваться у магистрата!» Никто его не боялся. Его любили.

— Значит, убийца хотел, чтобы испугались другие, — сказал Корвин. — Идем.

Они спустились по узкой винтовой лестнице. Корвин впереди, левая рука скользит по стене, правая сжимает посох — черное дерево, внутри свинец. Лира шла сзади, ступая бесшумно, как кошка. Восемь лет она была его глазами, и за это время он ни разу не споткнулся на этой лестнице. Не потому, что запомнил ступени — просто Лира всегда говорила: «Через три ступени поворот», «Слева стена, справа перила», «Осторожно, порог».

Сейчас она молчала. Значит, все в порядке.

Немой рынок получил свое название полвека назад, когда здесь торговали гробовщики и мастера надгробных плит. Потом рынок сместился к югу, к причалам, а площадь осталась — пустая, вымощенная серым камнем, с фонтаном в центре, из которого давно не текла вода.

Гуннара нашли у фонтана.

Он сидел, прислонившись спиной к высохшей чаше, раскинув руки в стороны. Поза, которую труп принимает не сразу — только через несколько часов после смерти, когда окоченение спадает. Значит, убийца либо знал об этом, либо ему было все равно.

— Дайте пройти, — сказал Корвин стражникам, сгрудившимся вокруг.

Те расступились неохотно. Инквизитора в Ребресе не любили, но боялись — и этого хватало.

Лира описала картину быстро, без лишних эмоций:

— Рот залит воском. Глаза выжжены — не вырезаны, выжжены. Кожа вокруг глазниц обуглена, но веки целы. Одежда в порядке, кошелек на месте. В кармане — медяк и ключ. Маленький, похож на шкатулочный. И еще... — она наклонилась ниже, — на тыльной стороне ладони, под слоем сажи — слабый след. Похоже на букву. «Л».

Корвин замер. — «Л»?

— Да. Выведена чем-то острым, возможно, ногтем. Сам Гуннар написать не мог — пальцы уже окоченели. Это сделал убийца.

— Или жертва, в последний момент, — задумчиво произнес Корвин. — Веди меня к телу.

Лира взяла его за локоть. Три шага вперед, остановка. Корвин опустился на колени, протянул руку. Пальцы коснулись холодной кожи, воска, спекшейся крови. Он закрыл глаза, хотя в этом не было нужды — тьма и так была везде.

Дар отозвался резко, как удар тока. Тени прошлого нахлынули потоком: страх Гуннара, его последний вдох, слово «Тишина», застывшее в воске. А за этим — чужое присутствие. Холодное, расчетливое, почти родное.

Корвин отдернул руку.

— Что? — спросила Лира.

— Убийца... — Корвин вытер пальцы о плащ. — Он не чужой. Он знал Гуннара. Более того, он знал тебя.

Лира нахмурилась. — Меня? Откуда?

— Буква «Л». Это не просто инициал. Это послание. Кто-то хочет, чтобы ты вспомнила то, что забыла.

Она хотела возразить, но слова застряли в горле. Воспоминания о той ночи под кроватью всегда были яркими, но сейчас, под взглядом слепого инквизитора, в них появилась трещина. Она помнила сапоги. Помнила кровь. Но лица... лица убийцы она не помнила. Только глаза — голубые, ледяные. И чей-то силуэт в углу, который она всегда считала игрой теней.

— Идем, — сказал Корвин, поднимаясь. — Запах старого пергамента ведет в Гильдию летописцев. По дороге расскажешь мне еще раз о той ночи. В подробностях. Возможно, ты упустила что-то важное.

Глава 2. Архив Лжи.

Улица Писцов встретила их запахом сырости и старых чернил. Дождь, моросивший с утра, превратил брусчатку в скользкое зеркало, в котором отражались серые фасады домов. Они миновали Рыбный рынок, где еще пахло солью и йодом — значит, до архивов оставалось два квартала. Корвин шел медленно, ведя посохом по стене, а Лира — на полшага впереди, сканируя переулочек взглядом. С тех пор как они покинули Немой рынок, она не проронила ни слова.

— О чем молчишь? — спросил Корвин, не поворачивая головы.

— О букве. «Л». — Лира перешагнула через лужу, в которой плавали ошметки сгнившей соломы. — Почему убийца оставил ее на теле Гуннара? Если это послание мне, то зачем убивать глашатая? Он не был связан со мной.

— Гуннар был голосом города. — Корвин постучал посохом по углу дома, проверяя поворот. — Возможно, он что-то знал. Или что-то слышал. Глашатаи часто слышат больше, чем говорят.

— Или он был свидетелем.

Корвин остановился. Капли дождя забарабанили по капюшону его плаща. — Свидетелем чего?

— Той ночи. — Лира сжала кулак, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь. Холод металла, но не боль. Пустота глушила боль. — Мне было шесть. Я лежала под кроватью. Я не могла видеть всего. Но если в лачуге был кто-то еще кто-то, кого я не помню

— Например?

Она замялась. Имя вертелось на языке, но она не решалась его произнести. Эйрик. Соседский мальчишка, сын кожевника, с вечно перемазанными черникой пальцами и смехом, похожим на треск сороки. Он часто играл с ней в прятки среди бочек во дворе. Она помнила его всхлип в ту ночь, а потом топот убегающих ног. Значит, он выжил. Но где он теперь?

— Эйрик, — сказала она наконец. — Соседский мальчик. Я слышала, как он убежал.

Корвин кивнул, но ничего не сказал. Он уже чувствовал — не пальцами, а тем шестым чутьем, которое заменяло слепым зрение, — что это имя еще всплывет. И возможно, очень скоро.

Гильдия летописцев находилась в трехэтажном здании из серого камня с узкими окнами-бойницами. Когда-то здесь была купеческая контора, и стены еще хранили запах пряностей и воска для печатей. Теперь же пахло только пылью, старым пергаментом и — едва уловимо — чем-то сладковатым, как ладан на похоронах.

Дверь была приоткрыта. Лира потянула носом и тут же сморщилась.

— Кровь. Свежая. И воск.

— Эйнар, — выдохнул Корвин. — Мы опоздали.

Они вошли. В прихожей было темно, только масляная лампа на столе бросала дрожащий круг света, в котором танцевали пылинки. За столом, уронив голову на груды пергаментов, сидел старик. Руки его были вытянуты вперед, пальцы сломаны в нескольких местах — методично, сустав за суставом. Из открытого рта торчал обрубок языка — черный, спекшийся. В воздухе стоял тяжелый запах горелого мяса и воска.

Лира замерла на пороге. Она видела много смертей за восемь лет рядом с Корвином, но эта эта была другой. В ней чувствовалась не ярость, не месть, а холодная, расчетливая жестокость человека, который делает свою работу и не испытывает при этом ничего.

— Не описывай, — тихо сказал Корвин. — Я чувствую.

Он прошел вперед, ведя посохом по полу, пока не уперся в край стола. Пальцы его скользнули по столешнице, нащупали чернильницу, разбросанные перья, край пергамента. Затем он коснулся руки мертвеца — и замер.

— Что? — спросила Лира.

— Он умер не сразу. — Корвин говорил медленно, словно читая невидимый текст. — Ему сломали пальцы, потом вырвали язык, потом выжгли глаза. В таком порядке. Он был в сознании до последнего.

— Зачем? Зачем мучить старика?

— Не мучить. Стирать. — Корвин убрал руку. — Пальцы — чтобы не писал. Язык — чтобы не говорил. Глаза — чтобы не видел. Кто-то хотел, чтобы Эйнар унес свои знания в могилу.

Лира обошла тело, стараясь не смотреть на изуродованное лицо хрониста. Взгляд ее упал на разбросанные бумаги. Среди счетов, копий указов и черновиков летописей выделялся один лист — чистый, если не считать единственной буквы, выведенной в центре.

— «Л», — прочитала она вслух.

— Снова. — Корвин провел пальцами по столу, по краю чернильницы, по сломанным пальцам Эйнара. — Он не просто оставляет послания. Он ведет тебя куда-то.

— К чему?

— К тому, что ты забыла.

Лира отодвинула стул и села. Ноги вдруг стали ватными. В висках застучало — не боль, а давление, словно сама пустота внутри нее пыталась вытолкнуть наружу что-то запретное. Она закрыла глаза, пытаясь выудить из памяти хоть что-то о той ночи, кроме сапог и запаха крови. Лицо матери. Лицо брата. Лицо отца. Отец Она видела его каждый день в течение шести лет, но сейчас, когда пыталась представить его черты, перед глазами вставала только пустота. Как будто кто-то вырезал его образ из ее памяти.

— Здесь есть еще кое-что, — сказала она, заметив край кожаной папки, торчащий из-под тела Эйнара.

Она осторожно вытянула папку. Старая кожа, выцветший герб Гильдии — раскрытая книга и перо, — и надпись выцветшими золотыми буквами: «Архив. Дела закрытые. 1289–1301 гг.».

— Какой год? — спросил Корвин.

— 1294-й. — Лира открыла папку. Внутри лежали несколько листов, исписанных убогим, но аккуратным почерком. Она пробежала глазами по первому и почувствовала, как пустота внутри сжимается в тугий комок. — Это это про мою семью.

Корвин подошел ближе и встал за ее спиной. — Читай.

— «Дело 47. Убийство в восточном квартале, лачуга за бойней. Жертвы: Хельга, 28 лет, прачка; Йен, 3 года. Подозреваемый: Томас, 32 года, муж и отец, работник бойни. Мотив: долги, связь с ростовщиками, возможная сделка с преступным элементом. Статус: Томас мертв (тело не найдено, показания свидетеля). Дочь, Лира, 6 лет, скончалась от ран в канаве у городской стены. Дело закрыто за отсутствием обвиняемого. Примечание: единственный свидетель — несовершеннолетний Э. М., 9 лет, допрошен магом Эха, показания прилагаются». — Лира замолчала. Буквы поплыли перед глазами. — Они считали, что отец убил нас. А Эйрику было девять. Он был старше, но все время играл с малышами. Мать говорила, он немного отставал в развитии.

— А что помнишь ты?

— Что он заслонил меня собой. Что дверь разлетелась, и он упал. — Она сжала папку так, что костяшки побелели. — Я не помню, чтобы он держал нож. Я не помню его лица.

— Память пустых ненадежна. — Корвин положил руку ей на плечо. Ладонь была теплой и тяжелой. — Особенно если она связана с моментом смерти. Ты могла стереть самое страшное, чтобы выжить. Не сознательно. Инстинктивно.

— Самое страшное — что мой отец убил мою мать и брата? — Лира вскочила, сбросив его руку. Стул с грохотом опрокинулся. — Это ложь. Архивная ложь.

— Возможно. — Корвин не стал спорить. Он знал, что сейчас ее не переубедить. — Но чтобы доказать это, нам нужно найти того, кто видел все своими глазами. Эйрика. Если он выжил в ту ночь, он — единственный свидетель.

Лира замерла. Имя, которое она боялась произнести, теперь висело в воздухе.

— «Э. М.» в деле. Эйрик М.? — Корвин задумался. — Если его допрашивал маг Эха, значит, его показания где-то хранятся.

Лира снова склонилась над папкой. Пролиставла несколько страниц с финансовыми отчетами и списками имущества, пока не наткнулась на сложенный вдвое лист, скрепленный сургучной печатью с гербом Инквизиции. Она сломала печать и развернула бумагу.

— «Показания свидетеля Эйрика Мартенса, 9 лет, допрошенного магом Эха второго ранга Арвидом Бергом», — прочитала она вслух. — «Свидетель утверждает, что видел, как подозреваемый Томас нанес ножевые ранения жене Хельге и сыну Йену. После этого Томас попытался убить дочь Лиру, но был остановлен неизвестным лицом, проникшим в лачугу через заднюю дверь. Завязалась борьба, в ходе которой Томас получил смертельное ранение и упал. Неизвестный скрылся. Свидетель утверждает, что не видел лица неизвестного, но запомнил его обувь — сапоги с металлическими подковами, левый с изъяном». — Лира подняла глаза на Корвина. — Это он. Тот, кого я ищу.

— Неизвестный, — медленно повторил Корвин. — Не твой отец. Твой отец был убийцей, но не тем, кого ты запомнила. Тот, в сапогах, убил твоего отца.

— И оставил меня умирать. — Лира скомкала бумагу, но тут же опомнилась и расправила ее. — Почему? Зачем кому-то убивать моего отца и оставлять меня в живых?

— Возможно, он не знал, что ты выжила. Или — Корвин замолчал, обдумывая следующую мысль. — Или он хотел, чтобы ты выжила. Чтобы ты помнила сапоги. Чтобы ты искала его. Буква «Л» — это приглашение. Убийца хочет, чтобы ты вспомнила. А Эйрик — ключ к твоей памяти. Если он еще жив, то находится в большой опасности.

Лира сунула папку под мышку и направилась к выходу. У двери она обернулась и посмотрела на мертвого Эйнара. Старик так и сидел, уронив голову на пергаменты, словно уснул за работой. Только воск на губах и пустые глазницы напоминали, что этот сон вечен.

— Он знал, — сказала она. — Хронист знал правду о моей семье. И за это ему вырвали язык.

— Или он знал что-то еще. — Корвин поравнялся с ней. — Что-то, что убийца не хотел выпускать наружу. Например, где сейчас находится Эйрик.

— В деле не сказано.

— Значит, спросим у тех, кто может знать. Уличные сироты, нищие, содержатели приютов. Мальчик, переживший резню и допрошенный Инквизицией, не мог просто исчезнуть.

Они вышли на улицу. Дождь перестал, но небо оставалось серым, как старая простыня. Солнце уже клонилось к закату, и тени домов становились длиннее, словно пытались дотянуться до беглецов. Лира шла быстро, почти бежала, но в голове ее крутилось одно и то же: лицо отца, которое она не могла вспомнить; лицо неизвестного в сапогах, которое она никогда не видела; и голос Эйрика, который убежал в ночь и, возможно, выжил.

— Корвин, — сказала она, не сбавляя шага. — А что, если я не хочу знать правду?

— Тогда ты всю жизнь будешь бежать ото лжи. — Он поравнялся с ней. — А ложь, Лира, быстрее любого бегуна.

Она промолчала. Впереди, в сгущающихся сумерках, уже виднелись очертания старого приюта Святой Агнессы — места, куда, по слухам, попадали дети, потерявшие семьи. Места, где мог прятаться мальчик, переживший резню четырнадцать лет назад. Или его тень.

Приют Святой Агнессы встретил их запахом кислой капусты, мочи и ладана. Старое здание с облупившейся штукатуркой и покосившимся крестом над входом. Лира толкнула тяжелую дверь и шагнула внутрь, в полумрак и тишину, нарушаемую только скрипом половиц под ногами.

— Мы ищем человека по имени Эйрик Мартенс, — сказала она вышедшей навстречу сестре-настоятельнице. — Он мог быть здесь четырнадцать лет назад.

Старуха в черном одеянии поджала губы и перекрестилась. — Эйрик? Бедный мальчик. Он жил у нас три года после той резни. А потом потом за ним пришли.

— Кто? — спросил Корвин.

— Люди в серых плащах. Сказали, что забирают его в школу для одаренных. Мы не спорили — у них были бумаги от самой Инквизиции.

Лира и Корвин переглянулись. Инквизиция. Значит, Эйрика не просто допросили — его забрали. А это означало, что он был не просто свидетелем. Он был кем-то большим.

— Куда они его отвезли? — спросила Лира.

— Не знаю, дитя. — Настоятельница покачала головой. — Но один из тех людей обронил странную фразу. Он сказал: «Мальчик не должен помнить. Пустота должна быть чистой».

Пустота. Слово ударило Лиру под дых. Эйрик тоже был пустым. Как она. И кто-то в Инквизиции знал об этом.

— В путь, — сказал Корвин, беря ее за локоть. — Здесь мы больше ничего не узнаем. Но у нас есть новая зацепка. Инквизиция.

Глава 3. Ключ без замка

Ночь опустилась на Реброс быстро, как падает занавес в дешевом балагане. Улицы опустели, только редкие прохожие жались к стенам, пряча лица от ветра и чужих взглядов. Лира и Корвин вернулись в башню молча. Каждый думал о своем, и мысли эти были не из тех, которыми хочется делиться.

В башне пахло холодным воском и пылью. Корвин нащупал кресло, сел и принялся перебирать четки. Щелк-щелк-щелк. Лира зажгла масляную лампу, поставила на стол и разложила перед собой содержимое кожаной папки: протокол допроса Эйрика, опись имущества семьи, несколько пожелтевших счетов от ростовщиков на имя Томаса.

— Что ищешь? — спросил Корвин, не открывая глаз.

— Не знаю. — Лира провела пальцем по строчкам протокола. — Здесь написано, что Эйрика допрашивал маг Эха второго ранга Арвид Берг. Имя мне ничего не говорит.

— Берг... — Корвин задумался, и четки в его руках замерли. — Я знал одного Арвида Берга. Он служил в Инквизиции лет пятнадцать назад. Специализировался на детях с магическими отклонениями. Говорили, что он умел читать не только Эхо, но и саму память. Жесткий был человек.

— Он еще жив?

— Не знаю. После того как я ослеп, я отошел от дел Инквизиции. Но если Берг допрашивал Эйрика и после этого мальчика забрали «люди в сером», значит, Берг знал о его пустоте. И, возможно, знал, куда его отправили.

Лира откинулась на спинку стула. Пустота внутри нее гудела, как натянутая струна. Она снова посмотрела на протокол. Почерк мага был мелким, убористым, с наклоном влево — так пишут люди, привыкшие экономить бумагу и время. В самом низу страницы она заметила приписку, сделанную другими чернилами, более светлыми, словно выцветшими от времени: «Субъект классифицирован как потенциально опасный. Рекомендовано изъятие из общей среды и помещение в учреждение закрытого типа. Особые приметы: шрам на левой руке от ожога, отсутствие эмоционального отклика на болевые раздражители. При допросе не произнес ни слова, однако демонстрировал признаки сильнейшего внутреннего напряжения при упоминании события 1294 года».

— Он был пустым с детства, — прошептала Лира. — Как я.

— Ты стала пустой после смерти, — напомнил Корвин. — А он, возможно, родился таким. Или приобрел после травмы. Это не важно. Важно, что Инквизиция сочла его опасным и спрятала.

— Куда?

— Есть только одно место в Ребресе, где Инквизиция прячет «опасных». — Корвин поднялся, нащупал посох. — Башня Молчания. Она стоит на острове посреди реки, в получасе

лодкой от порта. Официально там содержат умалишенных магов. Неофициально — тех, чьи способности не вписываются в классификации. Пустых, например.

Ли́ра представила себе мрачную башню, окруженную свинцовой водой, и мальчика, запертого в ней на четырнадцать лет. По спине пробежал холодок — не от страха, а от какого-то древнего, почти забытого чувства. Жалости? Сочувствия? Она не была уверена.

— Мы можем попасть туда? — спросила она.

— Можем. Но не как просители. — Корвин повернулся к ней. — У меня есть старый должник среди стражи Башни. Его зовут Элрик, он сержант. Поможет нам войти под видом проверяющих из магистрата. Но для этого нужны документы.

— Где их взять?

Корвин усмехнулся. — Ты забыла, с кем работаешь. Я десять лет был инквизитором. Я знаю, где лежат печати и бланки. Идем. У нас есть пара часов до рассвета.

Они вышли из башни, когда луна уже клонилась к горизонту. Улицы Реброта в этот час были особенно тихи — даже пьяницы и воры предпочитали отсыпаться перед новым днем. Ли́ра вела Корвина коротким путем через дворы и подворотни, пока они не оказались у заднего входа в городской архив — приземистого здания рядом с ратушей.

Дверь была заперта, но Ли́ра справилась с замком за минуту. Внутри пахло пылью, старым пергаментом и мышами. Корвин ориентировался по памяти, ведя пальцами по корешкам папок.

— Третий стеллаж слева, вторая полка снизу, — бормотал он. — Папка с гербом магистрата и синей тесьмой. Там должны быть чистые бланки предписаний.

Ли́ра нашла папку, вытащила несколько листов с печатями. Затем они подошли к столу архивариуса, где стояла чернильница и лежали перья. Корвин сел, взял перо и начал писать — не глядя, на ощупь определяя положение строк. Почерк у него был неровный, но разборчивый.

— «Предписание 47-Б. Податели сего, инспектор Корвин Слепец и ассистент Ли́ра, уполномочены провести проверку условий содержания в Башне Молчания. Подпись: магистрат Реброта». — Он посыпал чернила песком, сдул, затем приложил печать, которую Ли́ра нашла в ящике стола. — Готово.

— Ты уверен, что это сработает? — спросила Ли́ра, разглядывая подделку.

— В Башне Молчания служат люди, которые не любят лишних вопросов. Они увидят печать, увидят мою бывшую инквизиторскую мантию и не станут копать глубже. А если станут... — он коснулся посоха, — у меня есть другие аргументы.

Они покинули архив до того, как первые лучи солнца окрасили крыши. Возвращаться в башню не стали — сразу направились к порту. Утренний туман стелился над рекой, скрывая очертания причалов и кораблей. Пахло рыбой, смолой и гниющими водорослями.

Элрик ждал их у лодки — коренастый мужчина с обветренным лицом и цепкими глазами, которые не упускали ни одной детали. Он кивнул Корвину, словно они расстались только вчера.

— Слепец. Давно не виделись.

— Элрик. — Корвин чуть улыбнулся. — Ты все еще должен мне за ту ночь у Восточных ворот.

— Поэтому я здесь. — Элрик взялся за весло. — Садитесь. Довезу до острова и обратно. Но внутрь не пойду — у меня смена через три часа.

Лодка скользнула по черной воде. Лира сидела на носу, вглядываясь в туман, а Корвин и Элрик негромко переговаривались у кормы. Старые знакомые, связанные не столько дружбой, сколько общими опасностями и взаимными услугами. Лира не вслушивалась — она смотрела на приближающийся остров.

Башня Молчания оказалась именно такой, какой она ее представляла: приземистое каменное здание с узкими окнами, забранными решетками, и единственной дверью, обитой железом. Ни флага, ни герба — только серый камень и ощущение безысходности.

— Красивое место, — мрачно пошутила Лира.

— Оно не для красоты построено, — отозвался Корвин. — Держись рядом и говори только то, что я скажу.

На причале их встретил стражник в засаленной кольчуге. Он лениво оглядел прибывших, но, увидев бумагу с печатью, вытянулся и кивнул.

— Инспекция? Нас не предупреждали.

— Внеплановая проверка, — сухо сказал Корвин, протягивая предписание. — У магистрата есть основания полагать, что в Башне нарушаются условия содержания. Ведите нас к старшему смотрителю.

Стражник хмыкнул, но спорить не стал. Он провел их через тяжелую дверь в длинный коридор, освещенный редкими факелами. Стены здесь были сырыми, с потолка капало, и где-то в глубине здания слышался монотонный гул — не то пение, не то стон.

Старший смотритель, толстый мужчина с красным лицом и маленькими свинными глазками, встретил их в каморке у входа. Он прочитал предписание, пожевал губами и кивнул.

— Проверка так проверка. Что именно вас интересует?

— У вас содержится человек по имени Эйрик Мартенс, — сказала Лира, не дожидаясь разрешения Корвина. — Мы хотим его видеть.

Смотритель нахмурился. — Мартенс... Это который буйный? Четырнадцатый год пошел, как он тут. Странный тип. Не говорит, только мычит. Иногда кричит по ночам. На магию не отвечает, боли не чувствует. Мы его в дальней камере держим, в смирительной рубахе, чтоб себя не покалечил.

— Он опасен? — спросил Корвин.

— Для себя — да. Для других — вряд ли. Сил у него мало, кормим скудно, хлебом и водой, чтобы не было сил буйствовать. — Смотритель пожал плечами. — Вам он все равно ничего не скажет. Мычит только, когда видит кого-то знакомого. Но сюда к нему никто не приходит.

— Знакомого? — переспросила Лира. — Он кого-то узнает?

— Было пару раз. Когда новый стражник заступал, Эйрик на него так уставился, что тот чуть в штаны не наложил. А потом отвернулся и затих. Может, примерещилось ему.

Лира переглянулась с Корвином. Тот едва заметно кивнул.

— Ведите, — сказала она.

Камера Эйрика находилась в конце узкого коридора, в самой старой части Башни. Дверь была обита железом, с маленьким зарешеченным окошком. Смотритель отпер замок и посторонился.

— Я подожду здесь. Если что — кричите. И не подходите близко, он хоть и в рубахе, но укусить может.

Лира первой вошла в камеру. Внутри было темно, только слабый свет проникал сквозь щель под потолком. На каменном полу, на куче соломы, сидел человек, привалившись спиной к стене. Он был затянут в грязную холщовую рубаху с длинными рукавами, связанными за спиной. Худой, неестественно бледный, с длинными спутанными волосами и бородой. Одежда висела на нем мешком. Но глаза — голубые, ледяные — смотрели прямо на вошедших, не мигая.

Лира заметила на ткани смирительной рубахи тусклые, почти выцветшие руны. Они слабо мерцали в темноте — магические путы, подавляющие силу узника.

— Это чтобы он не разнес камеру, — пояснил смотритель, заметив ее взгляд. — Без них он бы давно здесь все порушил.

Лира замерла на пороге. Что-то в этих глазах было знакомым — не цвет, не форма, а выражение. Так смотрит человек, который видит не тебя, а кого-то другого, стоящего за твоей спиной.

— Эйрик? — позвала она негромко.

Человек не ответил. Он просто смотрел. Лира сделала шаг вперед, и в этот момент Корвин, стоявший у двери, коснулся пальцами косяка.

— Он пустой, — тихо сказал Корвин. — Я чувствую. Как ты. Но в нем пустота другого рода. Она... глубже. Как будто кто-то выскреб все, что было внутри, а потом залил обратно что-то чужое.

Лира присела на корточки, стараясь не делать резких движений. Она пыталась разглядеть в этом изможденном лице того мальчишку, что играл с ней в прятки среди бочек. Но время и заточение стерли детские черты почти полностью. Только шрам на левой руке — белый, неровный, похожий на змею, — выглядывал из-под рукава смирительной рубахи.

— Ты помнишь меня? — спросила она тихо. — Лира. Дочь Томаса и Хельги. Мы жили в лачуге у восточной стены. Ты прибежал к нам играть.

В глазах Эйрика что-то дрогнуло. Не свет, не тень — скорее рябь, как на воде от брошенного камня. Его дыхание участилось, ноздри раздулись. При имени Томаса он впервые за долгое время попытался сфокусировать взгляд — не на стенах, не на пустоте перед собой, а на лице Лиры. Это было усилие, почти физическое, как будто он поднимал непомерную тяжесть.

— Он узнал тебя, — прошептал Корвин. — Я чувствую. В нем поднимается что-то... давно забытое.

Лира не отводила взгляда. Эйрик смотрел на нее во все глаза, и в этих глазах плескалась буря — не безумие, а отчаяние. Он открыл рот, и из горла вырвалось сиплое: «М-м-мых...»

— Ты хочешь что-то сказать? — Лира подалась вперед. — Ты помнишь ту ночь?

Эйрик закивал — резко, судорожно. Его тело напряглось, на лбу выступили капли пота. Он снова попытался заговорить, но вместо слов выходило только мычание, громкое, надрывное, переходящее в хрип. Он дергал головой, словно пытаясь вытряхнуть из себя слова, которые застряли где-то глубоко внутри.

— Тише, тише, — сказала Лира, протягивая руку. — Не надо...

Но Эйрик уже не слышал. Его глаза расширились, зрачки заметались по сторонам, как у загнанного зверя. Он начал раскачиваться вперед-назад, ударяясь затылком о каменную стену — раз, другой, третий. Из горла вырывалось уже не мычание, а вой — высокий, пронзительный, полный такой боли, что у Лиры заледенела спина.

Корвин шагнул вперед, выставив посох. — Он теряет контроль. Нам нужно уходить.

В этот момент Эйрик рванулся с такой силой, что ткань смирительной рубахи затрещала. Он упал на бок, извиваясь, и начал рвать на себе волосы — грязные, спутанные пряди оставались в его скрюченных пальцах. Вой перешел в крик — бессвязный, животный, эхом разносящийся по каменным коридорам.

Дверь распахнулась. В камеру влетел смотритель с двумя стражниками.

— А ну стоять! — рявкнул он, отгаливая Лиру в сторону. — Отошли от него!

Стражники навалились на Эйрика, прижимая его к полу. Один схватил за голову, второй — за ноги. Смотритель достал из кармана маленький флакон с мутной жидкостью, зубами выдернул пробку и влил содержимое в рот бьющемуся в конвульсиях узнику. Эйрик захрипел, дернулся в последний раз и обмяк.

— Что вы ему дали? — спросила Лира, чувствуя, как внутри все сжимается.

— Успокоительное, — буркнул смотритель, вытирая пот со лба. — Настойка мандрагоры и опия. Он у нас буйный, я же говорил. А вы его разбередили.

— Мы только спросили, помнит ли он...

— Неважно, что вы спросили! — перебил смотритель. — Он на все так реагирует. На лица, на голоса, на запахи. Чует что-то, чего мы не чуем. А потом — припадок. В прошлый раз он себе язык чуть не откусил, еле спасли.

Лира посмотрела на обмякшее тело Эйрика. Стражники уже поднимали его, чтобы перетащить на солому. Лицо узника было бледным, веки подрагивали, но дыхание выровнялось. Из уголка рта стекала струйка слюны, смешанная с кровью — кажется, он все-таки прикусил губу.

— Уходите, — сказал смотритель, поворачиваясь к Лире и Корвину. — Проверка окончена. Отчет напишете, если хотите, но больше я вас к нему не пушу. Хватит с него потрясений.

Корвин взял Лиру за локоть. — Идем.

Она позволила увести себя. В коридоре было темно, и факелы чадили, отбрасывая на стены пляшущие тени. Лира шла молча, сжимая в кармане папку с протоколом, и перед глазами у нее стояло лицо Эйрика — искаженное, перекошенное, но в то же время... узнающее. Он узнал ее. Он хотел что-то сказать. И не смог.

Когда они вышли на причал и сели в лодку, Корвин нарушил молчание.

— Ты заметила?

— Что?

— Он реагировал не на тебя. Вернее, не только на тебя. Когда ты назвала имя Томаса, его пустота... всколыхнулась. Я почувствовал это через камень. — Корвин повернул голову к Лире. — Он знает, кто твой отец. И это знание причиняет ему боль.

— Мой отец мертв, — сказала Лира, но голос ее прозвучал неуверенно.

— Возможно. Но Эйрик думает иначе. Или знает иначе.

Лира смотрела на удаляющуюся Башню Молчания. Серые стены, узкие окна, железная дверь. Где-то там, в глубине, лежал человек, который был свидетелем убийства ее семьи. Чело-

век, который не мог говорить, но который помнил все. И его память была заперта крепче, чем двери этой Башни.

— Мы вернемся, — сказала она.

— Не сейчас. — Корвин покачал головой. — Сейчас ему нужен покой. А нам — информация. Нужно найти Арвида Берга, мага, который допрашивал Эйрика. Если кто и знает, что скрывается в его молчании, так это он.

Лира кивнула. Вода плескалась о борта лодки, весла мерно скрипели в уключинах. Реброс приближался — серый, шумный, живой. Но Лира не чувствовала облегчения. Пустота внутри нее гудела, как колокол, в который ударили один раз и оставили звенеть.

Глава 4. Голуби старого мага

Арвид Берг жил в предместье, которое даже нищие называли «краем света». Туда вела разбитая дорога, петлявшая между заброшенными огородами и покосившимися заборами. Пахло прелой листвой, дымом из печных труб и чем-то кислым — не то квашеной капустой, не то старыми тряпками. Лира шла впереди, выбирая путь посуше, Корвин — за ней, положив руку ей на плечо.

— Далеко еще? — спросил он.

— Вижу голубятню, — ответила Лира. — Значит, пришли.

Дом Арвида Берга оказался приземистым, вросшим в землю строением с просевшей крышей и ставнями, выкрашенными когда-то синим, а теперь облупившимися до серого дерева. Над крышей возвышалась голубятня — добротная, свежепокрашенная, с аккуратными летками. Птицы ворковали, перебирая перья, и их мягкое курлыканье было единственным живым звуком в этом унылом месте.

Лира постучала. Дверь открылась не сразу — сначала за ней послышались шаркающие шаги, потом долгий кашель, и только потом щелкнул засов.

На пороге стоял старик. Очень старый — с лицом, изрезанным морщинами, как старая кора, и редкими седыми волосами, зачесанными назад. Одет он был в выцветшую мантию мага, штопаную-перештопаную, но чистую. Глаза у него были светлые, почти прозрачные, как вода в мелком ручье, и смотрели они с тем особым прищуром, который бывает у людей, привыкших разглядывать далекие предметы.

— Кого принесло в такую рань? — проскрипел старик, щурясь на утреннее солнце.

— Арвид Берг? — спросил Корвин, делая шаг вперед. — Это я, Корвин. Корвин Слепец.

Старик замер. Его прозрачные глаза расширились, а потом он усмехнулся — беззубо, но довольно живо.

— Корвин? Слепец? — Он покачал головой. — Надо же. А я думал, тебя давно черви съели.

— Они пытались, но я оказался невкусным.

Берг рассмеялся — сухим, дребезжащим смехом, который тут же перешел в кашель. Он посторонился.

— Заходи. И девчонку свою веди. Пустая? Чую, магией от нее не пахнет. Совсем не пахнет.

Лира перешагнула порог. Внутри дом оказался неожиданно уютным: чисто выметенный пол, пучки сухих трав под потолком, маленькая печка, у которой дремал рыжий кот. Пахло

сушеной мятой, воском и старостью — не затхлой, а какой-то умиротворенной, словно само время здесь замедлило ход.

Берг указал на лавку у стены. — Садитесь. Сейчас чай поставлю. Голубиный помет, правда, кругом, но вы уж простите — других собеседников у меня нет.

Он засуетился у печки, гремя чайником. Лира села, оглядываясь. На стенах висели старые гравюры с изображением птиц, полки были заставлены книгами в потертых переплетах, а в углу стоял массивный сундук, обитый железными полосами. На сундуке лежала стопка пергаментов, придавленная голубиным чучелом.

— Ты все еще держишь голубей, — заметил Корвин, устраиваясь на лавке и кладя посох на колени.

— А что мне еще делать? — Берг разлил кипяток по глиняным кружкам, бросил в каждую по щепотке трав. — Магией я уже не занимаюсь. Эхо не слышу — глуховат стал. А голуби... они молчат. Это мне и нравится.

Он протянул кружку Лире, потом Корвину. Лира взяла, вдохнула запах — мята, Melissa, что-то еще, сладковатое.

— Ты ведь не просто так пришел, — сказал Берг, садясь на табурет напротив. — Слепец никогда не ходит в гости без дела. Что тебе нужно?

Корвин отпил глоток, помолчал, потом ответил:

— Четырнадцать лет назад ты допрашивал мальчика. Эйрика Мартенса. Свидетеля убийства в восточном квартале.

Берг замер с кружкой у губ. Его прозрачные глаза на мгновение затуманились — он явно рылся в памяти, перебирая старые дела.

— Эйрик... — прошептал он наконец. — Да. Помню. Тощий такой, с голубыми глазами и шрамом на руке. Он не говорил. Вообще. Я бился с ним три дня, но не вытянул ни слова. Только мычание.

— Но ты классифицировал его как опасного, — сказала Лира. — И его отправили в Башню Молчания.

Берг перевел взгляд на нее, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание.

— Ты та самая девочка? — спросил он тихо. — Дочь Томаса?

— Да.

Старик откинулся на спинку табурета, и его лицо стало серьезным.

— Тогда понятно, зачем вы пришли. — Он вздохнул. — Я помню то дело. Не потому, что оно было громким — таких убийств в Ребресе каждый месяц по дюжине. А потому, что оно было... странным. Очень странным.

— Чем именно? — спросил Корвин.

Берг помолчал, собираясь с мыслями. Потом заговорил — медленно, словно читая старый, полустертый текст.

— Когда меня вызвали на место преступления, трупы уже убрали. Но я снял Эхо с тел в морге и с башмачка, который нашли на месте. Насильственная смерть оставляет очень устойчивый след. — Он посмотрел на Корвина. — И знаешь, что я увидел? Пустоту. Не ту, что бывает, когда кто-то стирает следы. А настоящую, глубокую бездну, как будто в этом месте сама реальность дала трещину. Я работал с Эхом тридцать лет, но такого не видел никогда.

— Пустота, — повторила Лира. — Как у меня.

— Да. — Берг кивнул. — Только сильнее. Гораздо сильнее. Как будто в той лачуге кто-то умер не один раз, а много. Или... — он замаялся, — или кто-то умер и вернулся.

— Мальчик? — спросил Корвин.

— Мальчик — да. Но не так, как ты думаешь. — Берг отставил кружку и потер переносицу. — Я проверил Эхо самого Эйрика. Он был пустым, это я определил сразу. Но его отсутствие магии было... свежим. Как будто он умер совсем недавно. За день или два до допроса.

Лира переглянулась с Корвином. Тот едва заметно кивнул.

— Но в лачуге он выжил? — спросила она. — Я слышала, как он убежал. Убийца не погнался за ним.

— Не погнался, — согласился Берг. — Но это не значит, что он его не достал. Когда мальчик выскочил за дверь, убийца выпустил ему вдогонку короткий разряд пустоты. Не для того, чтобы убить на месте, — скорее рефлекс, как прихлопнуть назойливое насекомое. Эйрик добежал до конца переулка, а потом... его сердце остановилось. Я видел это в Эхо. Он умер за порогом, в грязи, один. А через несколько часов воскрес — так же, как и ты. Только в отличие от тебя, он не смог с этим справиться. Его разум... сломался. Поэтому он и молчит до сих пор.

Корвин помолчал, перебирая чётки. Потом спросил — без нажима, почти мягко:

— Ты тридцать лет служил в Инквизиции. Маги Эха редко задерживаются так надолго. Что тебя там держало?

Берг долго не отвечал. Его веки едва заметно дрогнули. Он посмотрел в окно, на голубятню, где ворковали птицы, и заговорил глухо, словно слова приходилось вытягивать из-под завалов памяти:

— У меня был сын. Он родился пустым. Не как вы, — он перевёл взгляд на Лиру, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на давнюю, незаживающую боль. — Он не умирал.

Просто появился на свет с дырой там, где должна быть душа. Я думал, что смогу исцелить его. Думал, что пустота — это болезнь, которую можно вылечить магией Эха. Ради этого и пошёл в Инквизицию. Искал способ заполнить бездну.

Ли́ра не отвела взгляда. Спросила тихо:

— И что случилось?

— Я потерпел неудачу. — Берг поставил кружку на стол, и фарфор звякнул о дерево. — Мои попытки «вылечить» его только сделали хуже. Гораздо хуже. В итоге я потерял его. — Он отвернулся к окну, и его силуэт на фоне серого неба стал вдруг очень старым и очень одиноким. — Теперь у меня только голуби. Они молчат, и это... милосерднее.

Повисла тишина. Ли́ра почувствовала, как пустота внутри неё отозвалась на эти слова — не холодом, а тупой, отражённой болью. Корвин не стал задавать новых вопросов. Он уже понял: всё, что старик знал о пустоте, было оплачено ценой, которую не пожелаешь никому.

— Ты упомянул, что бездна в лачуге была сильнее, чем у мальчика, — сказал Корвин. — Что это значит?

Пальцы старика нервно потербели край мантии.

— В той лачуге было три источника... холода, — сказал он, наконец. — Мальчик. Девочка — то есть ты, — он кивнул на Ли́ру. — И... кто-то третий. Взрослый. Его след был самым мощным. Он накрывал все, как тень от горы.

— Взрослый? — Ли́ра подалась вперед. — Вы знаете, кто это был?

— Твой отец. — Берг посмотрел ей прямо в глаза. — Томас. Не убийца — убийца был другой, его Эхо было холодным, но не таким... глубоким. Третий источник — это предсмертный выброс силы Томаса. Он был Переписанным, и когда он понял, что погибает, его сила на мгновение выплеснулась вся, без остатка. Он пытался защитить тебя. И у него получилось — ты выжила. Но этот выброс был такой мощи, что я до сих пор, спустя четырнадцать лет, чувствую его отголоски.

Ли́ра опустила глаза. Значит, отец не просто погиб, защищая ее, — он вложил в этот миг все, что у него было. Всю свою силу. И эта сила стала ее щитом.

— А убийца? — спросил Корвин. — Ты видел его лицо в Эхо?

Берг отвел взгляд. Его пальцы, державшие кружку, дрогнули.

— Нет. Эхо не показало лица. Только тень. Высокий мужчина в плаще. И почему то особо было заметно Эхо где-то внизу, на уровне сапог. Больше я ничего не смог разобрать. Слишком много пустоты было в том месте. Слишком много холода.

Ли́ра сжала кулаки. Сапоги. Снова только сапоги. Улика, которую она помнила четырнадцать лет и которая по-прежнему не давала ответа на главный вопрос.

— Но ты знаешь больше, чем сказал нам, — медленно произнес Корвин. — Я чувствую это по твоему голосу.

Берг долго молчал, прежде чем ответить. Его лицо осунулось, плечи опустились, словно на них легла невидимая тяжесть.

— Это дело закрыли слишком быстро, — сказал он, наконец. — Мне приказали подписать протокол, в котором Томас был назван убийцей собственной семьи. Я подчинился, но в ту же ночь составил другую докладную — для себя, — в которой описал истинную картину. Три пустых. Переписанный. Вмешательство Круга Безмолвия. Я спрятал ее в архиве Инквизиции. Если вы ее найдете, возможно, она прольет свет на то, что случилось. Но большего я вам не скажу. Не потому, что не хочу. А потому, что не могу. Есть вещи, о которых даже говорить опасно. Люди, которые стоят за этим, не прощают болтливости.

— Ты боишься, — сказала Лира.

— Да. — Берг усмехнулся, но невесело. — И тебе советую. Если ты продолжишь копать, те, кто убил твою семью, придут за тобой. Они уже знают, что ты жива.

— Они уже пришли. — Лира поднялась. — Наши имена оставляют на трупах. Спасибо за чай и за правду. Остальное мы найдем сами.

Она повернулась к двери. Корвин последовал за ней, но на пороге остановился.

— Ты знаешь, где искать Гельмута? — спросил он.

— Монастырь Святой Тишины, — ответил Берг. — Он приходит туда раз в месяц. Проверь, не потревожил ли кто старое гнездо. Но будьте осторожны — если он узнает, что вы подобрались так близко, он сбежит. Или сделает так, чтобы вы исчезли.

Они вышли в серый день. Дождь прекратился, но небо оставалось тяжелым, как старая простыня. Лира шла быстро, сжимая в кармане башмачок Эйрика. Корвин молчал, но она чувствовала — он хочет что-то сказать. И она знала, что именно.

— Ты знал, — произнесла она, не оборачиваясь. Голос был ровным, но Корвин слышал в нем лед. — С самого начала, когда коснулся тела Гуннара. Ты почувствовал его. Молчаливого Брата. Ты знал, что за этим стоит ОН.

Корвин не ответил. Только четки в его руке замерли.

— Когда Берг говорил о холоде, о пустоте, о том, что убийца — Переписанный... твоё лицо не дрогнуло. Ты уже все это знал. — Она остановилась и повернулась к нему. — Ты знал о Брате. Знал, что дело моей семьи связано с ним. И молчал. Восемь лет молчал.

— Я подозревал, — сказал Корвин глухо. — Не знал наверняка. Когда я взял тебя к себе, я начал собирать информацию о той ночи. Нашел старые отчеты, поговорил с людьми. Все указывало на Брата. Но... я не был уверен.

— Почему ты мне не сказал?

— Потому что боялся за тебя. — Корвин повернул голову к ней, хотя видеть не мог. — Если бы ты узнала о Брате слишком рано, ты бы бросилась мстить и погибла. А я... я не мог этого допустить.

Лира долго молчала. Дождь снова начал накрапывать, капли барабанили по ее капюшону. Наконец она заговорила, и каждое слово было как удар ножа:

— Ты скрыл от меня правду. Снова. Сначала ты скрыл, что знал о Вальдемаре. Теперь — что знал о Брате. Что еще ты скрываешь, Корвин?

Он молчал.

— Я не знаю, что я чувствую, — продолжала она. — Пустота глушит все. Но где-то там, под ней, есть уголек. И он говорит мне, что я не могу доверять тому, кто лжет. Даже если ложь — ради моего блага. — Она шагнула ближе. — Если ты еще раз скроешь от меня правду, я уйду. И ты больше никогда меня не найдешь.

Корвин медленно кивнул.

— Я понял.

— Хорошо. — Лира развернулась и зашагала к башне. — Мы идем в архив Инквизиции. Завтра. А сегодня я хочу побыть одна.

Она ушла вперед, и Корвин не стал ее догонять. Он стоял под дождем, сжимая посох, и четки в его руке снова задвигались — щелк-щелк-щелк. Но ритм был сбит.

Глава 5. Обмен информацией

Утро после возвращения от Берга выдалось серым и безрадостным. Дождь, ливший всю ночь, наконец прекратился, но небо оставалось затянутым низкими тучами, и воздух был пропитан сыростью насквозь. Лира проснулась рано, задолго до того, как первые лучи солнца — если их можно было так назвать — просочились сквозь щели в ставнях. Она лежала на своей узкой койке, глядя в потолок, и слушала, как Корвин перебирает четки в своем кресле. Щелк-щелк-щелк. Он тоже не спал.

Они не разговаривали с того самого момента, как вернулись в башню. Лира молча сняла промокший плащ, молча развесила его у печки, молча легла. Корвин не пытался заговорить — то ли понимал, что слова сейчас бесполезны, то ли просто не знал, что сказать. Так они и провели ночь: в одной комнате, но разделенные невидимой стеной.

Теперь, в сером утреннем свете, эта стена все еще стояла между ними. Лира села на койке, провела ладонями по лицу, стирая остатки сна. Пустота внутри нее гудела ровно, без всплесков, но где-то на самом дне, под толщей ледяного безразличия, тлел уголек — не гнева, а скорее разочарования. Она не злилась на Корвина за то, что он скрыл правду. Она злилась на себя за то, что доверяла ему без оглядки.

— Архив Инквизиции, — сказала она, не оборачиваясь. — Мы идем туда сегодня.

Корвин перестал перебирать четки.

— Архив находится в подвалах старого здания Инквизиции, у западной стены, — ответил он ровным голосом. — Там служит архивариус по имени Герт. Старый, желчный, помешанный на порядке. Просто так он нас не пустит.

— У тебя есть старый должник и там?

— Нет. — Корвин поднялся, нащупал посох. — Но у меня есть кое-что другое. Я знаю, где Герт хранит ключ от винного погреба, и знаю, что он пьет в одиночестве каждый вечер после закрытия. Это не дает мне власти над ним, но дает возможность для разговора.

Лира наконец повернулась к нему.

— Разговора? Ты собираешься его подкупить?

— Я собираюсь предложить ему сделку. — Корвин накинул плащ. — Информацию в обмен на информацию. Герт — старый сплетник. Он знает все, что происходит в стенах Инквизиции, но редко выходит наружу. Если мы предложим ему что-то, чего он не знает, он может открыть нам дверь.

— Что мы можем ему предложить?

— Правду о Молчаливом Брате. — Корвин усмехнулся. — Герт служил еще при прошлом магистрате. Он наверняка слышал о Брате, но вряд ли знает, что тот все еще активен. Такая новость стоит дороже золота.

Лира подумала и кивнула. Логика в этом была.

— Хорошо. Идем.

Здание Инквизиции у западной стены выглядело так, словно его построили для того, чтобы отпугивать людей. Высокие серые стены без окон, массивные дубовые двери, обитые железом, и единственный герб над входом — слепой глаз в перекрестье мечей, такой же, как в башне Корвина. Лира невольно поежилась. От здания веяло холодом — не физическим, а каким-то иным, пробирающим до костей.

— Не бойся, — сказал Корвин, почувствовав ее напряжение. — Это просто камень. Он не кусается.

— Зато люди внутри кусаются, — пробормотала Лира.

Они вошли через боковую дверь, которую Корвин знал еще с тех времен, когда был зрячим инквизитором. Узкий коридор, пахнувший пылью и старым пергаментом, привел их к лестнице, уходящей вниз. Ступени были стертыми, скользкими от сырости, и Лире пришлось вести Корвина особенно осторожно.

Внизу, в полумраке подвала, их встретил архивариус Герт. Это был сухой, как щепка, старик с крючковатым носом и маленькими, подозрительными глазками, утопленными в складках кожи. На правой руке его тускло поблескивал массивный перстень с выцветшим гербом Гильдии — знак былой принадлежности к чему-то большему, теперь истлевший, как и все, что он охранял. Он сидел за массивным столом, заваленным свитками и книгами, и что-то писал в толстом гроссбухе. Увидев посетителей, он отложил перо и уставился на них с выражением крайнего неодобрения.

— Архив закрыт для посторонних, — проскрипел он. — Приходите в приемные часы. С разрешением от магистрата.

— Герт, — сказал Корвин, делая шаг вперед. — Это я, Корвин.

Старик прищурился, вглядываясь в лицо слепого.

— Корвин? Тот самый Слепец? — Он хмыкнул. — Слышал, тебя вышвырнули из Инквизиции. Подделом. Слишком много о себе мнил.

— Возможно. — Корвин не стал спорить. — Но я пришел не за тем, чтобы обсуждать мою отставку. Я пришел за информацией.

— А я не даю информацию без разрешения.

— Даже в обмен на другую информацию?

Герт замер. Его маленькие глазки блеснули. Он машинально покрутил перстень на пальце — привычка, выработанная годами.

— Какую именно?

Корвин наклонился вперед и понизил голос:

— Молчаливый Брат. Он вернулся.

В подвале повисла тишина. Лира видела, как лицо архивариуса меняется — от недоверия к удивлению, а затем к чему-то похожему на страх.

— Брат? — переспросил Герт, и его голос дрогнул. — Это сказки. Его заточили в колодце сто лет назад.

— Его заточили, но не уничтожили. — Корвин выпрямился. — За последнюю неделю убиты городской глашатай и хронист. Воск на губах, выжженные глаза. Почерк Брата. Я знаю, о чем говорю.

Герт помолчал, пожевал губу. Потом медленно кивнул.

— Допустим. Что ты хочешь взамен за эту... новость?

— Дело четырнадцатилетней давности. Убийство в восточном квартале. Жертвы: Хельга и Йен. Подозреваемый: Томас. Свидетель: Эйрик Мартенс. Все, что у вас есть.

Архивариус нахмурился.

— Это закрытое дело. Почему оно тебя интересует?

— Это связано с Братом, — вмешалась Лира. — Я дочь Томаса. Я выжила.

Герт перевел взгляд на нее, и в его глазах мелькнуло узнавание — такое же, как у Берга днем ранее.

— Пустая, — прошептал он. — Та самая девочка, что воскресла в канаве. Слухи ходили, но я не верил.

— Поверьте, — сказала Лира. — Я стою перед вами.

Старик долго смотрел на нее, потом вздохнул и поднялся из-за стола. Перстень звякнул о столешницу.

— Ладно. Брат — это серьезно. Если он вернулся, Инквизиция должна знать. — Он взял со стола связку ключей. — Идите за мной. Но учтите: то дело хранится в секции «Опасные аномалии». То, что вы там увидите, может вам не понравиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.